

КРЕАТИВНАЯ ДЕВИАНТОЛОГИЯ: ОПЫТ АМПЛИФИКАЦИИ
Ю. А. Клейберг

CREATIVE DEVIANTOLOGY: EXPERIENCE OF AMPLIFICATION
Yu. A. Klayberg

В статье представлен первый российский опыт институализации креативной девиантологии как специальной научной и учебной дисциплины. Делается акцент на приобретении креативной девиантологией своей научной синтагмы – систематизированной и логически выверенной системы знаний, полученных на базе разных парадигм, свой статус методологически конституирующей теории в психологии и девиантологии (пока она существует на правах частного раздела этих наук), способствующей обогащению проблемно-тематического поля человековедческих наук. В свете креативной девиантологии креативность рассматривается как эвристический способ жизнедеятельности личности, творчество рассматривается как форма поведения, не согласующаяся с принятыми нормами, но при этом не нарушающая правовые и моральные предписания группы. Поэтому творчество и креативность можно рассматривать как позитивные девиации.

Наиболее продуктивным и перспективным условием (фактором), влияющим на *креативную социализацию личности* (как позитивную, так и деструктивную), является *само-конструирование личности (self-construction personality)*, в основе которого находится «собственная творческая активность, самосознание и процессы самоощущения личности».

The paper presents the first Russian experience of institutionalizing Creative Deviantology as a special scientific and academic discipline. The author emphasizes Creative Deviantology's acquisition of its scientific syntagma which contributes to enriching the problematic and topical field of the Humanities. In the light of Creative Deviantology creativity is viewed as a heuristic way of the individual's life; creativity is considered as a form of behavior that is not consistent with accepted standards, but at the same time not violating the legal and moral precepts of the group. Therefore, art and creativity can be seen as a positive deviation.

The most productive and promising condition (factor) influencing creative socialization (both positive and destructive) is the self-construction personality, which is based on their own creative activity, consciousness and the processes of personality actualization.

Ключевые слова: творчество, типология творчества, креативность, психологическая структура личности девианта, опыт институализации, креативная девиантология.

Keywords: art, typology of creativity, creativity, psychological structure of the personality of deviance, the experience of institutionalization, creative deviantology.

За долгую историю своего становления и развития современная психология сегодня представляет собой весьма разветвленную систему наук. В ней выделяют много различных направлений, представляющих относительно самостоятельные научные и учебные дисциплины: социальную психологию, психологию развития, медицинскую (клиническую) психологию, юридическую психологию, психологию труда, психологию социальной работы, психологию искусства, политическую психологию и многие другие.

Особое *специальное направление* в общем ряду психологических дисциплин занимает **креативная девиантология**. По своему *предмету* она носит комплексный, междисциплинарный характер. Поэтому данная научная и учебная дисциплина как отрасль знания актуальна для всех специалистов социологических профессий.

Как прикладная наука и учебная дисциплина **креативная девиантология** охватывает широкий спектр искусствоведческих, социально-психологических, психолого-педагогических, психофизиологических и криминологическо-юридических проблем. К таким проблемам можно отнести и девиантную креативность как специфическую позитивную девиацию.

Лингвистически сочетание слов «*креативная девиантология*» означает, что речь идет одновременно и об общем, и о специфическом (особенном) понятии психологии. Как часть психологии творчества и девиантологии она «наследует» их общие категории, принципы и подходы (общее). Специфическое понятие креативной девиантологии отличает ее от психологии творчества и девиантологии, создает степень ее автономности в предмете и объекте, изучаемых проблемах, специфических принципах, методах исследования, используя опыт институтов социализации (особенное). Термин «креативная девиантология» указывает на уникальность и эксклюзивность предмета.

Однако специально обращаю внимание на следующие **принципиально важные моменты**.

Во-первых, в научной литературе (зарубежной и отечественной) я не встречал книг и статей с названием «**креативная девиантология**» и даже употребления такого словосочетания.

Во-вторых, **креативная девиантология** должна приобрести свою синтагму – систематизированную и логически выверенную систему знаний, полученных на базе разных парадигм, свой статус методологически конституирующей теории в психологии и девиантологии (пока она существует на правах частного раз-

дела этих наук). Но даже как частный раздел психологии и особенно девиантологии, творческая деятельность человека на сегодняшний день непросто делена вниманием российских исследователей.

В-третьих, креативная девиантология помимо нашей воли прорывается в научную жизнь и заявляет о себе на уровне эвристичности, создает образ предмета, так как у нее пока нет собственной целостной концепции, отвечающей запросам философской, искусствоведческой, психологической мысли. Тем не менее креативная девиантология, прародителями которой являются психология творчества, социология и девиантология, то есть человековедческие науки, хотя и имеет слабую методологическую и эмпирическую основу, все же подает большие надежды и потому чрезвычайно востребована и интересна для научных поисков и экспериментов.

В-четвертых, процессы интеграции современной креативной девиантологии с психологией, искусствоведением, социологией, философией и др., позволяющие осуществлять анализ традиционных и новых проблем на основе междисциплинарного синтеза, могут привести к существенному обогащению проблемно-тематического поля этих наук [12].

В предметном мире творчество проявляется как продуктивная творческая деятельность, в символическом – как творческое решение проблем, в социальном – как творческий диалог, во внутреннем – как творческая самореализация.

В любом случае творчество есть своеобразный выход за пределы заданного. Это как раз то, что характеризует все (и позитивные, и негативные) проявления девиантных поступков, девиантного поведения и девиантности в целом. Специфика любого творчества усматривается в том, что объектом и одновременно итогом его является саморазвитие, создание самой личности, а не ее образа, как, скажем, в искусстве.

Именно поэтому мы рассматриваем творчество и креативность с девиантологических позиций как позитивную девиацию, направленную на гармонизацию личностного развития [14, с. 71 – 83].

Парадоксально, но *девиантное поведение и творческая активность могут иметь сходные черты*. Отличие заключается в том, что для подлинного творчества удовольствие составляет сам процесс поиска, а отрицательный результат только стимулирует знание о предмете и указывает на то, что вектор поиска должен быть изменен, в то время как для девиантной поисковой активности основной целью является результат – получение удовольствия, находящегося, как правило, в зоне социального и психологического риска.

Творчество возникает тогда, когда индивид начинает осознавать себя личностью. Творчество всегда личностно обусловлено. Известный русский философ Н. А. Бердяев (1989) считал, что творчество – единственный вид деятельности, который делает человека человеком [3]. Движущей силой человечества, как отмечает российский психолог Е. П. Ильин (2009), являются творческие личности [7].

Творчество означает создание нового, под которым могут подразумеваться как преобразования в

сознании и поведении, так и порождаемые им, но и отчужденные от него продукты. Наиболее точное определение творчества дано, по нашему мнению, С. Л. Рубинштейном, согласно которому творчество – это деятельность, «созидающая нечто новое, оригинальное, что притом входит не только в историю развития самого творца, но и в историю развития науки, искусства и т. д.» [18].

Творчество подразделяется на: а) профессиональное и б) самодеятельное (непрофессиональное). И в том, и в другом виде творчества создается один и тот же продукт творческой деятельности – текст (научный, литературный, технический), рисунок, звук, образ и т. п.

Творчество – художественное, научное, техническое, спортивное и др. – связано с созданием какого-то нового продукта, который должен быть оценен обществом. Этот продукт творчества, как правило, бывает индивидуальным или коллективным, и он должен быть значимым, в первую очередь, для самого творца (индивидуального или коллективного). Для творца часто важна (но не обязательна) психологическая составляющая как самого процесса создания нового, оригинального, эксклюзивного, так и результата – признание, почет, слава, деньги (эффект «медные трубы»). Однако можно встретить со стороны творца и безразличие и даже игнорирование знаков внимания к своей персоне и продукту своего труда со стороны общества. Эта работа бескорыстна и творцом воспринимается как само собой разумеющееся. Вспомним феномен современного российского гения (включен в мировой список гениев!), ученого-математика *Григория Перельмана*, первым доказавшим одну из «задач тысячелетия» – гипотезу Пуанкаре и отказавшегося от миллиардной (в долларовом эквиваленте) премии за свое открытие и ютящегося с мамой в двухкомнатной «хрущевке» Санкт-Петербурга.

Вообще в истории науки и искусства есть немало примеров самоотверженности, смелости и бескорыстия ученых и деятелей культуры и искусства, чьи имена стали мировой гордостью. Вот только некоторые из них: Айвазовский, Гёте, Дарвин, Достоевский, Ньютон, Моцарт, Леонардо да Винчи, Менделеев, Пушкин, Рублев, Толстой, Хемингуэй, Циолковский, Чайковский, Чехов, Шекспир, Эйнштейн и многие другие. Важное значение для настоящего Мастера имеет духовное богатство внутреннего мира личности творца, его постоянная направленность на творческое действие во внешнем мире.

Правда, отношение к творчеству в различные эпохи изменялось кардинально. В Древнем Риме в книге ценился лишь материал и работа переплетчика, а автор был бесправен – не преследовались ни плагиат, ни подделки. В Средние века и значительно позднее творец был приравнен к ремесленнику, а если он дерзал проявлять творческую самостоятельность, то она никак не поощрялась. Творец должен был зарабатывать на жизнь иным путем: Ж. Б. Мольер был придворным обойщиком, да и великого М. В. Ломоносова ценили за утилитарную продукцию – придворные оды и создание праздничных фейерверков. И лишь в XIX в. художники, литераторы, ученые и прочие представители творческих про-

фессий получили возможность жить за счет продажи своего творческого продукта. Как писал А. С. Пушкин, «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». При этом (разговор книгопродавца с поэтом, 1924) рукопись ценили только как матрицу для тиражирования, для производства массового продукта. В XX в. реальная ценность любого творческого продукта также определялась не вкладом в сокровищницу мировой культуры, а тем, в какой мере она может служить материалом для тиражирования (в репродукциях, телефильмах, радиопередачах и т. д.). Поэтому существуют неприятные для интеллектуалов различия в доходах, с одной стороны, представителей исполнительского искусства (балета, музыкального и театрального исполнительства и т. д.), а также дельцов массовой культуры и, с другой стороны, творцов [6]. В китайской «Книге перемен» говорится о том, что **«высшая форма творчества – творчество добра»**.

Творчество как один из видов деятельности и креативность как устойчивая совокупность черт, способствующих поиску нового, оригинального, нетипичного, обеспечивают развитие и личности самого творца, и общества в целом. На уровне общественных интересов креативность действительно рассматривается как эвристический способ жизнедеятельности, но на уровне социальной группы поведение творческой личности может быть оценено как вид деятельности, не согласующийся с нормами и предписаниями, принятыми в данном сообществе людей. Творчество может рассматриваться как форма поведения, не согласующаяся с принятыми нормами, но при этом не нарушающая правовые и моральные предписания группы [17, с. 165 – 210]. Поэтому творчество и креативность можно рассматривать как позитивные девиации.

Памятуя о том, что «реальность является девиантной» (по Н. Луману) [цит. по 16], девиантность жизни проявляется в труде, учебе, искусстве и культуре, науке, образовании и воспитании, спорте и досуге, общении и семейной жизни и т. п. и имеет множество различных форм проявления: инициативность, трудоголизм и тунеядство; инновации и разгильдяйство; образованность и бескультурье; великие достижения и невежество и хамство; пьянство, алкоголизм, проституция и добропорядочность и милосердие; преступления, агрессия, насилие и доброта, терпимость и альтруизм; коррупция, мошенничество, взяточничество, ложь, маргинальность, социальное неравенство и законопослушность, честность, справедливость, интеллигентность, одиночество, остракизм; экстремизм и эпатаж и юмор и бесшабашность; добро и зло; любовь и ненависть; война и мир; и т. д. и т. п.

А поэтому, как мне думается, **девиантность создается не обществом как таковым, по утверждению Говарда Беккера, но, безусловно, в обществе, а конструируется властью (режимом), где и культивируется, приобретая специфические черты и оттенки**. Люди же, живущие в таком обществе, строят (или не строят) свое поведение в соответствии с предписаниями этого общества [12].

Социальная неустроенность, конфликт, неудовлетворенность и т. п. порождают не только поиски вы-

хода в творчестве, но и «выход» в насилие, вандализм, а также в различные формы «ухода» (алкоголизм, наркомания, «хиппизм» и др.).

Каждая личность живет и действует в противоречивой и агрессивной социальной среде, где одинаковые социальные нормы и методы воздействия применяются к разным по своим способностям, характеру, привычкам, стилю поведения, культуре и образованности, образу жизни людям. Противоречивость и агрессивность социальной среды определяет отношение каждого человека к самой социальной среде, социальным нормам, мотивации поступков и отношений, традициям, культуре и к самому себе. И если это отношение явилось результатом социально значимого осознания себя в этом мире и мира (вещей, поступков, отношений) в себе, то мы имеем дело с целенаправленной, творческой работой человека над собой, со стойким социальным иммунитетом к негативным социальным отклонениям. И наоборот, неспособность (или нежелание) человека осознать важность и ценность своего социального бытия (в широком смысле слова) приводит к нарушениям (деформациям) социальной нормы, проявляющейся в различных видах и формах девиантного (отклоняющегося и криминального) поведения.

Обратимся к психологической структуре личности девианта, которую мы разработали. В ее основе лежит *система ценностей и норм*, механизмом внутреннего принятия которой является *гуманность* (милосердие, человечность, благородство), которую мы определяем, с одной стороны, как отношение к другим людям, любовь к людям, толерантность, а с другой – как преодоление себя, используя свою внутреннюю самоконтролирующую природу.

Нам думается, что наиболее продуктивным и перспективным условием (фактором), влияющим на *креативную социализацию личности* (как позитивную, так и деструктивную) является **само-конструирование личности (self-construction personality)**, в основе которого находится «собственная творческая активность, самосознание и процессы самоосуществления личности» [15]. Под конструированием, вслед за Г. М. Андреевой и Х. Абельсом, мы понимаем «приведение социальной информации в систему ... с целью постижения ее смысла» [2], основным объяснительным принципом которой становится **«интерпретативная парадигма»** [1]. Согласно этой парадигме, реальный внутренний мир личности предполагает непрекращающийся процесс **само-сотворения**, поскольку постоянно самопознается, осмысливается, оценивается и интерпретируется.

Система ценностей и норм, ценностных ориентаций помогает личности в этом процессе самоактуализироваться, выбрать правильный вектор избегания **аномии ценностей**, негативной трансформации ценностных ориентаций. Почему это так важно для личности, да и для общества тоже? Потому что система ценностей имеет двойное функциональное значение. Во-первых, ценности, как верно полагает Ю. А. Шерковеня [19, с. 137], являются основой формирования и сохранения в сознании людей *установок*, которые помогают индивиду занять определенную позицию,

выразить свою точку зрения, дать оценку. Тем самым они становятся частью сознания.

Во-вторых, ценности выступают в преобразованном виде в качестве *мотивов деятельности и поведения*, поскольку ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей неизбежно соотносятся с ценностями, вошедшими в его личностную структуру.

Система же ценностных ориентаций – важный регулятор активности человека, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума.

Аномия ценностей как раз и характеризуется непризнанием личностью (социальной группой) общественных норм и ценностей, негативным отношением к ним, отсутствием внутренних принципиальных нравственных императивов и ценностных позиций.

Хотя следует признать и тот факт, что трансформация ценностных ориентаций, особенно подростков и молодежи была во все исторические эпохи. Этот процесс неизбежен и, увы, болезнен. Можно назвать много причин, факторов, влияющих на трансформацию ценностных ориентаций и всей системы ценностей и норм, приводящих к разного рода кризисам – идентичности, интересов, ценностей и др. Один только психо-гормональный дисбаланс (пубертат) чего только стоит для подростков! Перестройка их организма и психики в этот период происходит по особому алгоритму, по индивидуальному «сценарию» с проявлением целого комплекса социальных, психологических и физиологических особенностей и признаков, которые мы наблюдаем как девиантные в поведении, поступках, взаимодействии.

Однако в какой бы мере человек, наделенный талантом, ни полагался на силы извне, ему необходимо *мастерство*, то есть овладение ремеслом, умение точно выбирать среди множества путей свой единственный и неповторимый, терпеливо возвращать в себе установку на творчество. Все это требует овладения разными навыками психологической защиты. Главным защитным фактором выступает способность художника *осуществить интеграцию своего «я»*. Именно потому, что интенсивность творческой жизни художника слишком велика и амплитуда его переживаний гораздо выше, чем у обычного человека, он принужден в творческом акте максимально *собирать себя «в кулак»*. Требуется жесткая самодисциплина, чтобы добиваться концентрации, синтеза, гармонии, чтобы удерживать установку на целесообразность действий.

Для того чтобы состоялось рождение произведения, необходимо наличие так называемой творческой *доминанты*. Доминанта есть результат наличия в сознании прочных, образовавшихся в течение жизни связей, которые, находясь обычно в приглушенном состоянии, ярко вспыхивают при определенных условиях.

Энергия постоянно воспроизводимой творческой доминанты поддерживает творческий тонус. Вот почему систематическая творческая работа, даже начатая с большим усилием, может привести в деятельное состояние весь творческий аппарат (как известно,

«вдохновение – это такая гостья, которая не любит посещать ленивых», находит свое экспериментальное подтверждение).

Таким образом, человеческое поведение рассматривается как результат сложного взаимодействия личностных, средовых и ситуационных факторов [9; 12]. Один из столпов социальной психологии Курт Левин описывал этот подход формулой: $\Pi = f(L+C)$ – поведение есть функция от взаимодействия личности и ситуации. Модифицируя эту формулу, добавлю в нее важный недостающий элемент – *систему ценностей и норм (СЦН)*, то, без чего не может актуализироваться личность и проходить социальное взаимодействие между людьми (взаимоотношения) во всех сферах их жизнедеятельности, в том числе и в сфере искусства. Тогда формула будет выглядеть таким образом: $\Pi = f(L+СЦН+C)$, где Π – поведение, f – функция, L – личность, $СЦН$ – система ценностей и норм, C – ситуация.

Итак, мы выяснили, что творчество имеет свою разнонаправленность и ее следует учитывать: всякое подлинное искусство даже в замкнутых и тоталитарных цивилизациях является *функциональным и дисфункциональным одновременно*. Под давлением дисфункциональных элементов, вызванных к жизни новым ощущением бытия, всегда вырастает оппозиционная ей традиция, которая обобщает и тем самым как бы легализует выпадающие «нонконформистские» тенденции творчества.

В заключении отмечу, что на сегодняшний день было бы преждевременным говорить о креативной девиантологии, как о уже сформировавшейся области научного знания. Скорее всего, можно говорить о набросках к различным теоретическим точкам зрения и подходам, которые, безусловно, ценны и уже сейчас «работают» на создание методологической основы креативной девиантологии.

И в этом направлении психологами, социологами, криминалистами уже делаются серьезные научные шаги. Так, **впервые в России** коллективом ученых под редакцией профессора *Я. И. Гилинского* опубликована монография «Творчество как позитивная девиантность» (2014), где помещена глава автора данной статьи [14]; монография *Ю. А. Клейберга* «Основы психологии девиантного поведения», в которой есть глава «Творчество как специфическое проявление девиантного поведения» (2014) [12]. А еще раньше – статьи *Я. И. Гилинского* [4; 5]; учебное пособие *Ю. А. Клейберга* «Девиантное поведение в вопросах и ответах» (2006; 2008) [9], статьи *Ю. А. Клейберга* [13; 11]; монография *Ю. А. Клейберга и С. Ю. Каниной* «Креативность образовательной среды и профилактика девиантного поведения» (2007) [8]. И, наконец, автором статьи подготовлена к изданию монография «Creative deviantology» (London: UK Academy of Education, 2015) на английском языке.

Вероятно, настало время институализации креативной девиантологии – востребованной и комплексной научной и учебной дисциплины.

Я отдаю себе отчет в том, что для действительно-го самоопределения новой области знания (а креативная девиантология претендует на это) необходимо обосновать выбор объекта и предмета исследования

(в чем специфика нового подхода?), выбор общих и специальных исследовательских задач, а главное – обосновать место нового раздела девиантологического знания в целом в психологической и девиантологической науке.

Мое знакомство с отечественными и зарубежными научными публикациями свидетельствует, что

такого методологического анализа, преобладающего над художественными сентенциями, проведено не было. Не всегда термин «психология», также как и термин «искусство/творчество», взятые совместно, рождают «психологию искусства/творчества». Какое содержание лежит за этим словосочетанием – вот в чем вопрос. Однако начинать с чего-то надо.

Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
2. Андреева Г. М. Психология социального познания: учебное пособие; 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1989 (гл. 4, 7, 8, 9).
4. Гишинский Я. И. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2.
5. Гишинский Я. И. Художественное и научное творчество как девиантность // Общество и человек. 2012. № 1(3). С. 52 – 58.
6. Дружинин В. Н. Психология: учебник для гуманитарных вузов. СПб: Питер, 2001. Гл. 35.
7. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб: Питер, 2009. 434 с.
8. Канина С. Ю., Клейберг Ю. А. Креативность образовательной среды и профилактика девиантного поведения: монография. Ульяновск, 2007. 236 с.
9. Клейберг Ю. А. Девиантное поведение в вопросах и ответах: учебное пособие для вузов. М.: МПСИ, 2006; 2-е изд. М.: МПСИ, 2008. 304 с.
10. Клейберг Ю. А. Девиантология: схемы, таблицы, комментарии: учебное пособие. М.: МПСУ, 2014. 152 с.
11. Клейберг Ю. А. Креативность образовательной среды как фактор профилактики и коррекции девиантного поведения школьников // Общество и право. 2007. № 4(18). С. 278 – 285.
12. Клейберг Ю. А. Основы психологии девиантного поведения: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 233 с.
13. Клейберг Ю. А. Социально-психологическая взаимосвязь творчества и девиантного поведения // Человеческий фактор: общество и власть. 2006. № 4(12).
14. Клейберг Ю. А. Творчество как проявление девиантного поведения // Творчество как позитивная девиантность: коллективная монография / под общ. ред. Я. И. Гишинского и Н. А. Исаева. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 279 с.
15. Кон И. С. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984.
16. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. М.: МЕДпресс, 2001. 432 с.
17. Ракилов А. И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования: сб. науч. трудов. М., 2003. С. 6 – 30.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1989. 328 с.
19. Шерковин Ю. А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы // Психол. журнал. 1982. Т. 3. № 5. С. 135 – 145.

Информация об авторе:

Клейберг Юрий Александрович – доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор Московского государственного областного университета (Москва), академик РАЕН, профессор, klab03@rambler.ru.

Yury A. Klayberg – Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Pedagogy, Doctor of Psychology, Full Professor, Professor at Moscow State Regional University (Moscow).

Статья поступила в редколлегию 19.12.2014 г.